

Выясняется, что многие западные авторы исходя из знаменитого выражения фон Клаузевица: «Война есть продолжение политики ...» (В современной отечественной терминологии следовало бы, наверное, сказать применительно к древним временам: «Война есть проявление потестарности ...»). — В. В.) При этом в цитированных трудах Б. Малиновского, М. Неттлшипа, Н. Шегнона, К. Оттербейна (с. 33—34, 44—45, 47) «политика» явно трактуется чересчур расширительно; этот термин применялся к любой ситуации — «лидер; сородичи; чужаки», в том числе, конечно, и на далекой от государства с развитым аппаратом ступени. Рецензируемая работа содержит еще целый ряд таких любопытных моментов теоретического характера.

Хочется, однако, высказать автору несколько пожеланий, исходящих из возможностей представленного им материала.

Прежде всего привлечены к рассмотрению исследования, касающиеся почти исключительно этносов — представителей «культурных комплексов», «хозяйственно-культурных типов» охотников-собирателей, а также примитивных мотыжных земледельцев (с. 26, 28—29, 41). Автор, рассматривая проблему «мирных» и «немирных» народов, связывает ее решение с типом хозяйства, социального устройства, традициями воспитания (с. 26—32). Как трудности отмечаются субъективность и противоречивость информации, отсутствие в наше время «чистых», «неконтактных» этнических типов.

Хозяйственно-культурной детерминации состояний «войны» и «мира» В. А. Шнирельману, наверное, следовало бы уделить больше внимания — пока же эта важная сторона вопроса лишь затронута.

Термин «традиционные общества» обычно охватывает и более развитые земледельческие и скотоводческие формации. У первых в преддверии государства и классообразования «сама война является... регулярной формой сношений»¹. У вторых, как установил Г. Е. Марков, «аульно-кочевое» (т. е. «мирное») и «военно-кочевое» состояния постоянно чередуются². Отмечены эти характерные моменты и в зарубежных исследованиях — их можно было тоже привлечь в интересах исчерпывающего раскрытия темы.

В дополнение к кратким данным о «ритуальных войнах» (с. 22 и др.) следовало бы, на наш взгляд, привести сведения и оценки обычно-правовых методов и правил замирения, прекращения боевых действий и враждебности, установления мира и гарантий его нерушимости, приводимые в западной литературе.

Хочется надеяться, что эти важные, существенные и практически полезные аспекты проблемы найдут отражение в последующих научных изысканиях и публикациях В. А. Шнирельмана.

Научно-аналитический обзор литературы — это обычно прелюдия к более широкому, объемному и подробному исследованию. Пожелаем, чтобы такой основательный научный труд увидел свет как можно скорее — основа для него есть в рецензированной работе.

В. М. Викторин

Примечания

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соц. Т. 3. С. 21.

² Марков Г. Е. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976. С. 312—313.

© 1993 г., ЭО, № 5

МИР КОРЕЙСКОЙ СКАЗКИ

Феи с Алмазных гор. Корейские народные сказки. (пер. с корейского, М., 1991. 382 с.)

Интерес к корейскому фольклорному наследию имеет в нашей стране давние традиции. Первым познакомил русское общество с корейскими сказками писатель Н. Г. Гарин-Михайловский, который написал более 100 сказок в Корею в 1898 г. во время экспедиции по северным провинциям страны¹. Начиная с 1950-х годов в СССР вышло несколько сборников корейских сказок².

Публикация книги «Феи с Алмазных гор», первого наиболее представительного собрания корейских сказок, — событие значительное в нашей культуре и науке. Среди переводчиков рецензируемого издания — А. Иргбаев, В. Ли, Лим Су, В. Пак. В книгу вошли и сказки в литературной обработке Н. Г. Гарина-Михайловского.

Особо следует отметить огромный вклад В. Пака — известного отечественного собирателя, исследователя и переводчика корейского фольклора, и прежде всего сказок. В рецензируемой книге В. Пак выступает как составитель и переводчик, им написано и предисловие к сборнику (с. 5—12). При подготовке книги составитель и переводчики, стремясь наиболее полно показать фольклорное сказочное наследие корейского народа, воспользовались текстами мифов, легенд и сказок, опубликованных в последние десятилетия как в КНДР, так и в Республике Корея (с. 11).

Еще совсем недавно сказка занимала исключительное место в духовной культуре корейцев. Так Н. Г. Гарин-Михайловский оставил ряд описаний того, как бытовал корейский повествовательный фольклор в конце XIX в. «Мы присели на утесе и смотрим на панораму гор, — писал он, — и пожилой кореец в белой кофточке и черной волосяной, с большими полями и узким доньшком шляпке, сидя на корточках и раскуривая свою маленькую на длинном чубуке трубочку, рассказывает нам новую легенду

Несколько корейцев, также присев, внимательно слушают. Иногда поправляют, иногда сам рассказчик советует с ним»³, и далее: «Взрослые, как дети, весь досуг свой отдают сказкам»⁴.

В корейской традиционной культуре рассказыванию сказок, очевидно, придавалось и магическое значение. Об этом свидетельствует и включенная в книгу удивительная сказка «Как слуга духов перехитрил», в которой повествуется о том, что «духи сказок», которые рассказывались мальчику, собирались в мешке и не могли из него освободиться, так как мальчик только слушал сказки, но никому их не рассказывал. За это они решили отомстить юноше в день его свадьбы. Спас юношу его слуга. А «молодой хозяйн с тех пор не утаивал сказки: как услышит, так и расскажет» (с. 215).

Традиция рассказывания сказок широко бытовала в семьях советских корейцев еще в 60-х годах. И автору, в 1961 г. жившему в корейской семье в Самаркандской обл. Узбекистана, в течение целого месяца посчастливилось не раз быть свидетелем и участником таких вечеров, когда возвращавшиеся после трудного рабочего дня родители рассказывали по-корейски своим притихшим ребятишкам сказки о тиграх и змеях, о смелых и находчивых крестьянских детях⁵.

Богат и разнообразен мир корейской сказки. В ней любовь к родной земле и восхищение красотой ее природы, в ней воспеваются прекрасные человеческие качества — благородство, преданность родителям, трудолюбие, находчивость, доброта, оптимизм. Со страниц книги встает неповторимый облик Страны Утренней Свежести и ее народа.

...Ночью над Кымгансаном шел теплый летний дождь. Он шуршал в листве деревьев, не спеша барабанил в ставни и окна. Казалось, дождь стекал прямо с причудливых и острых вершин, вплотную приблизившихся к нашему небольшому домику. Рожденный над далекими южными морями, он не принес с собой желанной прохлады, но был так напоен запахами земли, что, казалось, можно было почувствовать, как где-то в лесной чаще распускаются удивительные и незнакомые цветы. А среди густых зарослей папоротника набирает силу чуть заметное растение с упругим корнем и ажурными пятилопатыми листиками — древний, добрый и нежный женьшень.

К утру дождь перестал, но влажный воздух, низкие облака и легкий туман делали очертания всех предметов мягкими и слегка размытыми, как на монохромных свитках древних корейских мастеров. Горная тропа уводила все дальше. Все круче становился подъем. За каждым поворотом открывался новый вид. Набежала тучка, и вершины гор стали фантастическими островами, плывущими в небе. Блеснул солнечный луч и алмазной россыпью вспыхнул поток водопада. Желтые отполированные веками каменные глыбы оттеняли прозрачность горных рек, цвет воды в которых напоминает драгоценную яшму.

Так шаг за шагом открывается перед нами чудо из чудес Кореи — горы, которые народ любовно называл Алмазными. Кымгансан — это сравнительно небольшой уголок Восточно-Корейского горного массива, изогнутый вдоль восточного побережья Корейского полуострова. Ветер, океан, солнце и время создали здесь удивительные пейзажи. «Не говори о красоте мира, пока ты не увидел Кымгансан», «Тот, кто не видел Кымгансана, не видел Кореи», — так гласит народная мудрость.

Красота Алмазных гор всегда привлекала сюда поэтов и художников; в древности здесь было построено немало буддийских храмов. Множество сказок и легенд связано с Кымгансаном. Вот почему представляется очень удачным выбранное авторами название книги — «Феи с Алмазных гор». В одной из сказок рассказывается о том, как бедному юноше волшебный олень помог жениться на одной из девяти небожительниц, прилетавших купаться в изумрудных водах одного из озер Кымгансана («Феи с Алмазных гор»).

В буддийских храмах Кымгансана, повествуя сказки, жили великие волшебники, способные творить необыкновенные чудеса («Как состязались два волшебника»).

В рецензируемой книге собраны произведения основных жанров корейской устной сказочной прозы: здесь и сказочные народные варианты древних мифов и легенд, волшебные и бытовые сказки, сказки о животных, народные анекдоты о хитроумном и ловком Ким Сондае.

В первом разделе книги, озаглавленном «Как родилась песня» (с. 15—115), собраны народные варианты старинных мифов, легенд и преданий. Многие из них были записаны еще в таких произведениях корейской классической историографии, как «Самгук саги» («Исторические записи Трех государств») Ким Бусика (XII в.), «Самгук юса» («Забытые деяния Трех государств») буддийского монаха Ирёна (XIII в.), «Корёса» («История династии Корё» (XV в.)). Таков, например, сказочный вариант мифа о Тангуне — «первопредке» корейцев, «основателе» Древнего Чосона. Некоторые сказки восходят к корейским космогоническим мифам («О Всемирном потоке», «Солнце и Луна»). Интересно, что, несмотря на очень древний архетип этих мифов, они в своем сказочном варианте насыщены реалиями традиционного корейского быта. Многие из подобных сказок широко бытовали и среди советских корейцев, о чем свидетельствуют и наши полевые записи 60-х годов.

В сборнике есть предания и легенды, восходящие к истории Кореи периода Трех государств (Когурё, Пэкче и Силла, I в. до н. э. — VII в. н. э.) и времени Объединенного Силла (VII—X вв.) — например, сказки «Чертов мост», «Король с лошадиными ушами», «Легенда о колоколе Эмиллэ».

Внимание читателей, несомненно, привлечет и сказка «Откуда Млечный путь взялся?» о возлюбленных звездах Кённу — Небесном пастухе и Чиннё — Небесной ткачихе, которых Небесный владыка в наказание поселил на двух берегах Млечного Пути — Серебряной Небесной реки. Только раз в год, в 7-й день 7-го лунного месяца встречаются влюбленные, а мост через Небесную реку строят им сороки. Считается, что этот поэтический миф, уже давно известный китайцам, корейцам и японцам, был зафиксирован в Китае в древнейших памятниках литературы, относящихся к началу I тысячелетия до н. э.⁶ Однако примечательно, что, по-видимому, самое раннее живописное изображение этого сюжета сохранилось в настенной живописи гробницы Токхын (409 г.), относящейся ко времени существования древнекорейского государства Когурё⁷. На фреске среди светил, облаков и созвездий древний художник как бы одним свободным движением кисти передал струящийся поток Небесной реки. На ее противоположных берегах — фигуры Небесной ткачихи и Небесного пастуха. Художник изобразил момент прощания возлюбленных: пастух, ведя за собой вола, уходит от берега; Небесная ткачиха, стоя на противоположном берегу, смотрит вслед.

положном берегу, провожает его долгим взглядом. Словом, этот фрагмент живописи Когурё, несомненно, свидетельствует о том, что мифологический, а затем сказочный сюжет о Небесном пастухе и Небесной ткачихе был широко известен древним корейцам уже в период Трех государств.

Думается, что большой интерес у читателей вызовут и волшебные корейские сказки, объединенные в разделе «Крылатый конь» (с. 119—236). В сказках повествуется о чудесах и превращениях даосов («Чародей Чон У Чхи») и буддийских монахов («Как состязались два волшебника»), о волшебных конях («Крылатый конь»), об обиденных, но в сказках необыкновенных предметах, например о деревянной подставке под голову («Волшебная подушка») или об исполняющей все желания тушечнице (чашечка для разведения туши) («Собака и кошка»). Как и у других народов мира, есть у корейцев сюжет, близкий «Золушке». Это корейская сказка «Кхончхи и Пханчхи», в которой бедная падчерица Кхончхи, потеряв вышитую туфельку, в конце сказки находит свое счастье и выходит замуж за губернатора провинции.

Во многих волшебных сказках герой — бедный рыбак или бедный крестьянский сын спасает от гибели пойманную рыбу (обычно это карп) и отпускает ее на волю. Потом оказывается, что это был сын Дракона, который является спустя некоторое время герою в облике прекрасного юноши с золотой короной на голове и приглашает его посетить дворец своего отца — морского Дракона («Сказание о скале Чхонню», «Дровосек и его сын»).

Среди героев бытовых корейских сказок (раздел «Жадность не знает границ», с. 239—322) — обедневшие дворяне (янбани), жадные помещики, грубые градоначальники, которых побеждают, над которыми смеются находчивые слуги, батраки и крестьяне. Даже имена простых людей в сказках утверждают их превосходство над спесью и жестокостью богатых — Кведори («Хитрый», «Находчивый»), («Дровосек и его сын»), Тольсве («Крепыш») («Хитрый батрак Тольсве»). Часто героями корейских сказок бывают буддийский монах и буддийский служка.

Во многих корейских сказках воспеваются добродетельные жены — таков, например, сказочный вариант сказания о красавице Чхунхян («Предание о честном оса»). Особое место в корейском фольклоре занимают сюжеты, воспевающие отношения между родителями и детьми: безграничную любовь родителей и преданность детей. Так, широко известно повествование о Симчхон, пожертвовавшей жизнью во имя прозрения своего слепого отца («Добродетельная дочь»). Надо сказать, что сюжеты о преданной дочери Симчхон и о «вернейшей из жен» красавице Чхунхян, как и некоторые другие сказания, входящие в золотой фонд корейского фольклора, на протяжении веков получили огромную популярность и уже давно стали символами морально-этического и эстетического идеала корейского народа. Веками эти сюжеты разрабатывались в различных жанрах фольклора и литературы, они нашли воплощение в сказках, сказаниях, легендах, повестях, в песенных сказах «пхансори» (сказание, исполняемое одним актером под музыку), в представлениях народной драмы. В XX в. на эти сюжеты были созданы спектакли современного музыкально-драматического театра, либретто национальной оперы, сценарии кинофильмов. О популярности этих сюжетов свидетельствует и тот факт, что молодая труппа Корейского театра во Владивостоке, созданного в 1932 г., уже в первые годы своего существования обратилась к национальному классическому наследию. Премьера пьесы «Сказание о девушке Чхунхян» 6 сентября 1935 г. стала определяющим событием в жизни театра и вообще советских корейцев Дальнего Востока⁸. В 1936 г. театр впервые поставил на своей сцене «Сказание о девушке Симчхон»⁹. И ныне на сцене Корейского музыкально-драматического театра, который работает в г. Алма-Ата, идут эти спектакли. Они оставались в репертуаре театра и в самые трудные годы жизни советских корейцев.

Вызовом конфуцианству — господствующей идеологии в феодальной Корее, конфуцианской морали, которая запрещала вдовам выходить второй раз замуж, были сказки, где герой находил счастье в браке со вдовой («Выгодный оборот»). В сказках высмеивается злой старший брат и восхваляется трудолюбивый, честный младший брат. Как известно, в традиционном корейском обществе конфуцианские представления требовали беспрекословного подчинения младших старшим. Зато в сказках часто находчивыми и смелыми предстают маленькие мальчики и юноши, которые оказываются умнее не только своих старших родственников (коих они нередко спасают от гибели), но даже и министров и королей («Как мальчик своего отца спас», «Как малыш мудреца озадачил»).

Многие сказки объясняют происхождение тех или иных корейских обычаев, элементов традиционной корейской культуры («Как белый цвет цветом жизни в Корее стал», «С каких пор в Корее носят широкополые шляпы», «Законные и незаконные дети», «Как появились мыши и с каких пор перестали убивать стариков»). В сказках упоминаются свадебные обычаи и обряды («Как слуга духов перехитрил»), празднование 60-летнего юбилея («Пятеро телят»), повествуется о поисках «счастливого места» для могилы предков («Сказка про предкадателя и трех его сыновей»). В бытовых сказках нередко события связаны с попыткой героя сдать государственные экзамены, а следовательно, занять высокий пост («Жена раба»). Развитие сказочного сюжета порой происходит на фоне традиционных календарных обычаев и обрядов корейцев, праздников годового цикла. Чаще других упоминаются праздник Нового года и праздник лета Тано («Сказка про двух купцов», «Как девушка оленя спасла»).

Особый интерес представляют сказки, в которых утверждается этническое самосознание корейцев, национальная гордость народа. В таких сказках простые крестьяне или смысленные дети своими ответами озадачивают чужеземных посланников, выручают свою страну («Песчаные матчи», «Чужеземец и старик из Пхеньяна», «Сказка про маленького мудреца»).

Среди корейских сказок немало таких, которые объясняют происхождение того или иного географического названия, значение наименований гор, рек, озер, островов, пещер, крепостей, селений, буддийских храмов («Пещера Масипкуль», «Как Сеул стал столицей», «Сказание о скале Чхонню»).

Самыми древними у любого народа считаются сказки о животных. Их герои очень похожи на людей. Животные в таких сказках могут дружить и приходить на помощь, но могут быть жадными, злыми и

ленивыми. Они живут по законам человеческой жизни, вот почему за их недостатками можно увидеть недостатки людей.

Сказки о животных в рецензируемом сборнике собраны в разделе «Обезьяна-судья» (с. 325—353). В корейских сказках часто героем бывает олень, которого народная фантазия связывала с небесными феями («Как девушка оленя спасла», «Феи с Алмазных гор»). В народной корейской мифологии олень — один из символов долголетия. В сказках повествуется о благородных поступках животных, которые в знак благодарности за спасение от неминуемой гибели помогают человеку («Как шенок спас хозяина», «Благородный фазан», «Как жаба лютого змея одолела»). Читателю, несомненно, запомнится трогательная сказка о непослушном лягушонке, который всегда все делал наперекор своей маме-лягушке, а когда она умерла, горько сожалел о своем поведении («Почему лягушки плачут, когда идет дождь?»).

Герой многих корейских сказок — заяц. Однако в корейском фольклоре он не труслив, а, напротив, ловок и находчив («Заяц и черепаха»). Заяц не боится посмеяться даже над тигром («Как заяц тигра перехитрил»). Примечательно, что образ находчивого зайца встречается и в народных картинках — своеобразном корейском лубке. На одной из таких картинок заяц безбоязненно подносит тигру трубку с длинным-предлинным тонким чубуком. Такие картинки наклеивались на ворота, ведущие в усадьбу корейского дома, в качестве оберега. Нам посчастливилось видеть такую картинку на воротах одного из домов в Корейском этнографическом музее под открытым небом «Хангук минсок чхон» («Корейская этнографическая деревня») в окрестностях Сеула. Однако вернемся к картине: изображенный на ней сюжет связан также с одним из известных зачинов корейских сказок. Вот как он звучит: это было «в давние-давние времена... когда тигр еще курил трубку, а буйвол говорил человеческим голосом» (с. 6), или это было «в давние времена, еще когда тигр умел курить, а звери говорить человеческим голосом» (с. 292).

Тигр — главный герой корейских сказок о животных — по народным представлениям, Горный дух, или спутник и слуга Горного духа. В сказках, как, впрочем, и в народных верованиях, тигр не только кровожадный хищник, но часто носитель высоких нравственных понятий; он умеет различать добро и зло, добродетель и порок; ему доступна жалость, он может противостоять бедствиям, злым духам и болезням («Прекрасная тигрица», «Почтительный сын и тигр»).

Как и в фольклоре других народов Восточной Азии (китайцев и японцев), среди корейских сказок немало повествований о лисах-оборотнях, появляющихся перед героем в облике прекрасных девушек, красивых молодых женщин («Путешественник, лисица и тигрица»).

В отдельный раздел в книге вынесен цикл сказок, а вернее, сказочных анекдотов о корейском Ходже Насреддине — Ким Сондале («Как Ким Сон Даль продавал реку Тэдонган», с. 357—376).

Приходится сожалеть, что в этом интересном издании встречаются отдельные стилистические погрешности. Наблюдается разноречие в написании географических названий, например р. Тэдонган и р. Тэдон; гора Моранбон и гора Моран. Наверное, было бы лучше писать личные имена согласно традиции, уже сложившейся в нашей научной корееведческой литературе (например, Томи, а не То Ми; Тангун, а не Тан Гун и т. д.).

...Когда-то К. Г. Паустовский заметил, что хорошо было бы ставить памятники литературным героям: например, Дон-Кихоту или Гулливеру, Павлу Корчагину, Татьяне Лариной, Тарасу Бульбе, Пьеру Безухову, чеховским трем сестрам, лермонтовскому Максиму Максимычу или Бэле¹⁰.

Если продолжить этот перечень К. Паустовского, то в нем наряду с другими любимейшими персонажами мировой литературы мы безусловно встретим и красавицу Чхунхян, «вернейшую из жен», и преданную дочь Симчхон, и доброго трудолюбивого крестьянина Хынбу, сохранившего, несмотря на все удары судьбы, оптимизм, тепло и щедрость души; находчивого весельчака Ким Сондала. Они пришли к нам со страниц корейских сказок. Их известность давно перешагнула пределы Страны Утренней Свежести. Полюбились они и нашему читателю.

Удивительная и завидная судьба у этих героев! Созданные гением корейского народа, эти фольклорные герои стали и литературными персонажами. С веками они не только не стареют, но и с каждым поколением как бы набирают новое дыхание, обретают новую жизнь. И по-прежнему с восторгом и радостью встречают свою шестнадцатую весну возлюбленные из Намвона Ли Моннён и Чхунхян — корейские Ромео и Джульетта.

В чем сила этих героев? В чем их бессмертие?

Может быть, в том, что они уже давно стали символами лучших черт корейского народа: его трудолюбия, находчивости, смелости, умения стойко переносить тяготы жизни, его доброты и душевной красоты. А произведения, рассказывающие о них, живут в сознании всего народа как события жизни каждого человека, как выражение его чувств, мыслей, забот и мечтаний.

В истории корейской культуры сказки занимают особое место не только как своеобразное устное поэтическое наследие, но и как яркое полотно, воссоздающее жизнь корейского народа и его судьбу.

Как горные вершины высятся эти произведения. Без них, как и без познания всей многотысячелетней культурной традиции корейского народа, невозможно оценить и почувствовать все своеобразие страны и народа. В этих древних истоках, в этой традиции, пронесенной через века и приумноженной народным талантом, — начало начал и залог для будущего.

Р. Ш. Джарылгасинова

Примечания

¹ Гарин-Михайловский Н. Г. Корейские сказки. СПб., 1899; *его же*. Из дневников кругосветного путешествия (По Корее, Маньчжурии и Ляодунскому полуострову). М., 1952. С. 327—421; *его же*. Корейские сказки. М.; Л., 1954.

² Например, *Корейские сказки. Обработка для детей* Н. Ходзы. М.; Л., 1953; *Кучерявенко В. Т. Корейские сказки для детей*. Владивосток, 1951; *его же. Сказки Страны Утренней Свежести*. Владивосток, 1952; *Угай Дегук. Как рыбы проучили камбалу*. Сказки: Пер. с корейск. Ташкент, 1964; Три подарка. *Корейские народные сказки/Пер. с корейск. Е. Катасоновой. М., 1985.*

³ *Гарин-Михайловский Н. Г. Из дневников... С. 102.*

⁴ Там же. С. 103.

⁵ Полевые записи автора. Узбекистан. Самаркандская обл. Паст-Даргомский р-н, колхоз Коммунизм. 1961 г., октябрь — архив автора.

⁶ *Малявин В. В. Китайцы//Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М., 1989. С. 73.*

⁷ *Фрески периода Когурё. Пхеньян, 1979. С. 43 (на кор. яз.).*

⁸ О постановке спектакля «Сказание о девушке Чхунхья» во Владивостоке автору в 1967 г. рассказывала известная корейская актриса Ли Хамдэк, первая исполнительница роли Чхунхья (Полевые записи автора. Казахстан. Кызыл-Орда, 1967 г.) — архив автора; *Ким И. Советский корейский театр. Алма-Ата, 1982. С. 64—71; Ли В. Н. «Сказание о Чхунхья» в духовной жизни корейцев//Классические памятники литературы Востока (в историко-функциональном освещении). М., 1985. С. 171—183.*

⁹ *Ким И. Указ. раб. С. 71—74.*

¹⁰ *Паустовский К. Золотая роза. Повесть//Собр. соч. Т. 2. М., 1957. С. 633.*

© 1993 г., ЭО, № 5

J. Malaurie. *Ultima Thule*. Bordas; Paris. 1990. 320 p.

Известный французский полярный исследователь, геоморфолог и антрополог Жан Малори подарил нам еще одну книгу о своем любимом предмете — жизни полярных эскимосов, самых северных обитателей Земного шара. Эта книга большого формата, великолепно изданная, на каждой странице которой имеется, как правило, несколько уникальных иллюстраций, поражающих не только качеством воспроизведения, но и содержательностью. Здесь старые, зачастую ранее не воспроизводившиеся фотографии, факсимиле документов, оригиналов карт и рисунков исследователей XIX в., гравюры и картины того же времени, изображение орудий и других разнообразных предметов материальной культуры полярных эскимосов, их рисунков, карт, набросков и многого другого. Это превращает книгу в некоторое подобие всеобъемлющей выставочной фотозаписи, дающей всестороннее представление об облике культуры и быта полярных эскимосов в разные периоды со времени их открытия капитаном Джоном Россом 10 августа 1818 г. и до наших дней.

Трудно определить жанр этой книги. Текст ее состоит из авторского рассказа о всех этапах контактов полярных эскимосов с европейскими и американскими исследователями Арктики, размышлений автора по этому поводу и большого числа выдержек из документов, судовых журналов, дневников участников экспедиций, их писем, воспоминаний, газетных и журнальных статей и т. д. Во введении в свойственной ему художественно-очерковой манере автор останавливается на истории самого названия Ультима Туле, вынесенного в титул книги, которое европейцы дали этой суровой северной оконечности Гренландии, названия, восходящего к античным представлениям о крае света. Он касается воззрений древних на легендарные земли крайнего севера мира, сопоставляет их с соответствующими воззрениями у древних китайцев, индийцев, евреев, у современных айнов и т. д. Загадочная обилие проблемы эскимосской предьстории, вырисовывающейся из археологических памятников, которые ставят больше загадок, чем дают ответов, и сопоставляя эти источники с мифологией и легендами самих эскимосов, Жан Малори предлагает короткий очерк развития представлений об эскимосах в Европе до XIX в.

После этого довольно краткого (18 с.), но емкого введения разворачивается сама история открытия и исследования полярных эскимосов и их края, история, полная драматизма, героических попыток проникновения в один из самых труднодоступных регионов мира, история энтузиазма, надежд, катастроф, разочарований, нечеловеческих усилий и страданий, история верности долгу, верности друг другу и одновременно история интриг, недоверия, склок и клеветы, связанных с соперничеством при открытии новых арктических территорий и ориентиров, в особенности в деле достижения Северного полюса, путь к которому в конце XIX — начале XX в. лежал именно через район Туле.

Основное содержание книги слагается цепочкой очерков, расположенных в хронологической последовательности и посвященных всем важнейшим исследователям района Туле и прилегающих к нему водных и ледовых пространств. Это Джон Росс (1777—1856 гг.), Джон Франклин (1786—1847 гг.), Элиша Кейн (1820—1857 гг.), Чарлз Френсис Холл (1821—1871 гг.), Джордж Нерз (1831—1915 гг.), Ганс Хендрик (1834—1889 гг.), Адольфус Грили (1844—1938 гг.). Далее идут очерки, посвященные драматическому и до сих пор еще не вполне ясному соперничеству двух претендентов на звание первооткрывателей Северного полюса — Роберта Пири (1855—1920 гг.) и Фредерика Кука (1865—1940 гг.).

Следующий очерк посвящен экспедиции Людвигу Мюлюс-Эриксона (1872—1907 гг.), первой понастоящему научно обоснованной экспедиции, специально посвященной этнографическому исследованию полярных эскимосов. Экспедиция проходила в 1902—1904 гг. и дала блестящие результаты, но повторная экспедиция 1906—1908 гг. привела к гибели значительного числа ее участников и самого Мюлюс-Эриксона. После обобщенной характеристики результатов экспедиции, проиллюстрированных выдержками из ее документов, Ж. Малори переходит к развернутому описанию исследований проводившихся Кнудом Расмусеном (1879—1933 гг.) и Петером Фрейхеном (1896—1957 гг.). Осталь-